ДЖОН КУТЗЕЕ И РОССИЯ

М.С. КУРБАК

«Его романы - аллегория того, что происходит с человеческой расой в постколониальную эру. Они переносят нас из XX века в новое тысячелетие, когда Западная Европа постепенно теряет свою власть в мире», - отозвался член британского парламента Джеральд Кауфман[1] о книгах южноафриканского писателя Джона Максвелла Кутзее[2].

Талант великих душ есть
Узнавать великое в других людях.

Н.И. Карамзин

Король Швеции Карл Густав вручает Джону Кутзее (слева) Нобелевскую премию по литературе (Стокгольм, 2003 г.).

Обладатель Нобелевской премии, двух Букеровских (первый писатель, удостоенный ею дважды*), Иерусалимской премии[3], Дж.М.Кутзее остается, пожалуй, самым скандальным, самым спорным южноафриканским писателем современности. На родине, в ЮАР, его обвиняли в том, что его романы политически некорректны, заявляя, что «Южной Африке не нужен знаменитый писатель, создающий столь мрачную картину страны в это время»[4]. Одни видят в его книгах «предостережение миру»[5], другие - белый расизм. Многие называют Кутзее, несмотря на все его достижения, литературным аутсайдером, затворником, оригиналом, говорят, он игнорирует многие принятые в литературном мире условности[6]. Оба раза он не являлся на церемонии награждения Букеровской премией. Самый знаменитый его роман «*Бесчестье*» у нас окрестили «самым депрессивным текстом конца 90-х»[7].

«В ОЖИДАНИИ РУССКИХ»

Именно под таким заголовком вышла статья профессора Моники Попеску**, которую она посвятила этому южноафриканскому писателю и его произведению «*Осень в Петербурге*»[8].

В России о Кутзее впервые узнали еще в 1989 г., когда вышла первая книга, включавшая переводы трех его произведений - «*В ожидании варваров*», «*Жизнь и время Михаэла К.*» и «*Мистер Фо*». Тираж был огромный даже по тогдашним меркам - 100 тыс. экземпляров. Но еще большую популярность Кутзее приобрел после 2003 г., когда он получил Нобелевскую премию по литературе. Каждый год переводили по одной-две его работы, переиздавали их, тиражи становились все больше. С 1999 по 2006 гг. были изданы 8 книг, кроме того, журналы печатали статьи и рецензии на работы Кутзее, а также переводы его Нобелевской речи и второго тома его автобиографии под названием «*Молодость*» ("Youth")[9].

Кутзее же заинтересовался Россией в самом раннем детстве. Родился писатель в 1940 г. в Кейптауне в семье африканеров, выходцев из Голландии. Отец работал юристом, мать - школьной учительницей. Интересно, что его мама, не имевшая никакого отношения к России, тем не менее, носила русское имя Вера (Кутзее в своих мемуарах подчеркивает, что это было именно русское имя[10]). В Ворчестере (небольшой город в 90 милях от Кейптауна), где он жил примерно до 10 лет, его любовь ко всему русскому казалась ему самому чем-то уникальным, огромным секретом, который стоит скрывать ото всех. «То, что он предпочитал русских

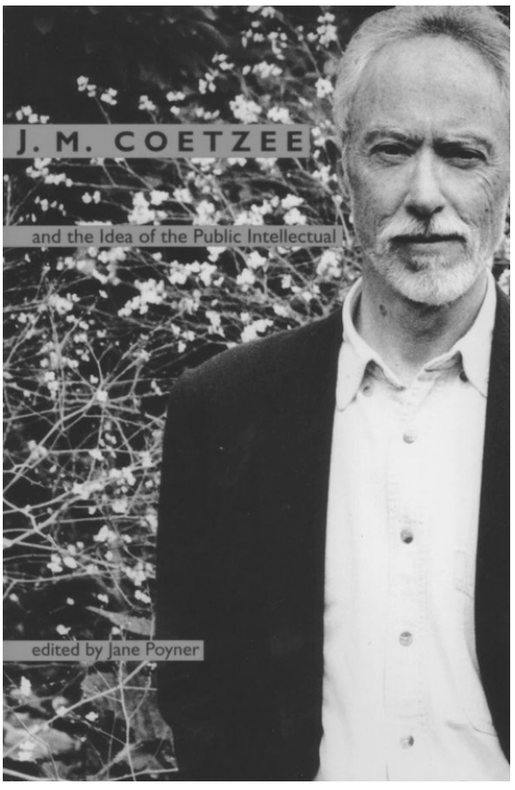
* В 1983 г. - за роман «Жизнь и время Михаэла К.» и в 1999 г.- за роман «Бесчестье».

** Один из самых известных романов Дж.М.Кутзее называется «В ожидании варваров» ("Waiting for the Barbarians").

американцам, было страшным секретом, о чем он не мог рассказать никому... В Ворчестере никто, кроме него, не любил русских»[11], - именно так Кутзее (*он*) пишет о себе в мемуарах. Но, конечно, он преувеличивает: среди африканеров симпатия к русским не была чем-то необычным еще со времен англо-бурской войны (1899-1902). Объяснение же своей любви ко всему русскому писатель нашел и вовсе странное: «Он выбрал русских, как когда-то выбрал римлян: потому, что ему нравилась буква *р*, особенно большая *Р* - самая сильная буква из всех»[12]. В трехтомнике «История Второй мировой войны», который купил ему отец, он прочитал про русский танк Т-34 и тут же признал его лучшим в мире. «Он принимал все русское»[13], - признается Кутзее.

Россия казалась ему страной с невероятно героической историей: «Он всматривался в фотографии русских солдат в белой зимней форме, русских солдат с автоматами Томпсона, прячущихся среди руин Сталинграда, командиров русских танковых дивизий, внимательно смотрящих в свои бинокли. Снова и снова он возвращался к картине, где русский пилот на пикирующем бомбардировщике летит над горящей немецкой танковой колонной»[14]. Южная Африка в сравнении с Россией казалась ему «страной, у которой нет героев»[15]. В России же героем казался ему даже Сталин: «Ему нравился суровый, но по-отцовски нежный фельдмаршал Сталин, самый великий и дальновидный военный стратег».

Конечно, знания Кутзее о России были очень поверхностными, хотя сам писатель так не считал: «Он знал о России все, что было нужно: ее огромную территорию, длину ее великих рек: Волги, Днепра, Енисея, Оби»[16]. Сравнивая русских и американцев, Кутзее отмечал, что и те и другие не играют в крикет: Американцы играют в бейсбол; русские не играют ни во что, может быть, потому, что там все время идет снег. Он не знал, что вообще делают русские, когда они не воюют»[17]. Даже собаку, которую ему подарили, он хотел назвать Борзой, «потому что ему хотелось, чтоб это была русская собака», но потом дал ей имя Казак. Кутзее с гордостью пишет, что никто не понимал значения этого слова, и люди думали, что это "*kos-sak*", что в переводе с языка африкаанс означает «пакет для еды»[18].



Дж.М.Кутзее

Русская же литература поначалу не вызывала у Кутзее никакого интереса: «Россия, быть может, и породила нескольких не лишенных интереса монстров, но, как художники, русские ничему научить не способны. Еще с XVIII столетия культура была делом рук англичан и французов»[19].

РУССКИЕ «КУМИРЫ» ПИСАТЕЛЯ

В 1961 г., после расстрела демонстрации в Шарпевиле (1960 г.), Кутзее переезжает в Лондон. Во втором томе своих мемуаров он описывает, как вечерами слушал по радио передачи о Бродском.

В сборнике критических статей, которые писатель назвал «*Чужие земли*» ("Stranger Shores")[20], три связаны с русскими писателями - это, помимо Бродского, Тургенев и Достоевский. С последним их связывают «особые отношения»: именно Достоевский стал главным героем книги Кутзее «Осень в Петербурге», биография которого интересовала писателя больше других: он возвращается к ней снова и снова. Безусловно, Кутзее хотел видеть в Достоевском черты, схожие со своими. Возможно, поэтому в романе «Осень в Петербурге» он идет на сознательное переворачивание фактов жизни русского писателя. В книге Достоевский возвращается на родину, узнав о гибели своего пасынка, которому было всего 23 года. На самом же деле, Павел Исаев умер своей смертью в возрасте 54 лет. Очевидно, что Кутзее пишет о собственной трагедии: его сын погиб в 22 года, и, по-видимому, писатель чувствовал какую-то вину перед ним, возможно, из-за того, что слишком мало уделял ему времени и любви. Словами Достоевского Кутзее как будто объясняет, зачем пишет роман: «Я - это он. Он - это я. Вот что я хочу ухватить - миг перед исчезновением, миг, когда кровь еще струится по жилам, когда еще бьется сердце <...>. Не забытье - миг перед забытьем, миг, когда я, задыхаясь, прибежал к источнику, и мы в последний раз взглянули друг другу в глаза, сознавая, что живы, что жизнь у нас общая и только одна»[21].

Вокруг романа «Осень в Петербурге» до сих пор не утихают споры: в Европе и Америке все написанное Кутзее приняли, как говорится, «за чистую монету» и даже похвалили за такие глубо-

кие знания биографии русского писателя, у нас же - наоборот: многие читатели разочаровались в Кутзее после выхода романа в свет. Конечно, понять «русскую душу» - трудная задача для любого иностранца, тем более, если он никогда не бывал в России, а жил в такой далекой Южной Африке. Пожалуй, не стоит судить его очень строго за этот опыт: многие ли писатели так интересуются внутренним миром представителей другой страны, континента, расы? Многие ли могут похвастаться таким щепетильным отношением к воссозданию в своих книгах исторической и географической реальности (Кутзее подражает языку XIX в., безошибочно указывает улицы Петербурга, по которым ходят его персонажи)? Возможно, иногда исторические факты могут стать второстепенными по сравнению с гениальным художественным вымыслом.

О другом своем русском «кумире» - Тургеневе - Кутзее пишет по-особенному. В уже упомянутом сборнике критических эссе «Чужие земли» автор дает взгляд на Тургенева через восприятие его (Тургенева) творчества известной южноафриканской писательницей Надин Гордимер. В 1975 г., выступая перед черными писателями, она привела им в пример Тургенева как автора, «который на протяжении всей жизни верен идее социальных реформ»[22]. С одной стороны, Кутзее явно сожалеет, что эта речь Гордимер - последний случай, когда она ставила европейского писателя в пример черным (в дальнейшем, как пишет Кутзее, она поменяла свою точку зрения и стала утверждать, что европейцы не имеют право давать советы черным южноафриканским писателям, поскольку их (черных писателей) может судить лишь их собственный народ[23]). С другой - он считает неуместным желание Гордимер в 1975 г. популяризировать роман «Отцы и дети» в Южной Африке, где в то время разгоралась борьба против апартеида. Кутзее пишет: «Это немыслимо, чтобы после 1976-го - года начала волнений, вспыхнувших в учебных заведениях Соуэто, роман «Отцы и дети», прочтенный с особым вниманием к тому, что там действительно говорится об отношениях отцов и детей, мог быть воспринят молодыми представителями черной южноафриканской интеллигенции как модель для подражания»[24]. В 1976 г., считает Кутзее, все меняется, и в новой атмосфере Тургенев оказался отвергнутым Южной Африкой и самой Гордимер. Однако между русским классиком и южноафриканской писательницей Гордимер Кутзее видит одно неизменное сходство: «то, что люди, живущие за пределами России, знают об истории этой страны XIX в., во многом почерпнуто из романов русских писателей (и, прежде всего, Тургенева), так же как и то, что большинство людей, не живущих в Южной Африке, знают о ее современности из романов южноафриканских писателей и, прежде всего, Гордимер»[25].

В последнем из написанных Кутзее романе упоминается и еще один классик русской литературы - Л.Н.Толстой, чьи книги писатель начал читать только в последние годы. Особенно его впечатлил образ Пети Ростова в «Войне и мире», как реалистично и «загадочно свежо» он нарисован автором. Кутзее надеется, что его читатель, осознав, что он не помнит, кто такой Петя Ростов, подойдет к полке, возьмет томик Толстого и найдет описание смерти Пети. Именно через это он определяет классику: то, что «стоит на книжной полке, ожидая, что его оттуда будут брать тысячи и миллионы раз» - отмечает Кутзее в своем «*Дневнике*»[26].

Толстой для Кутзее - «мастер реализма», хотя признается, что читать его трудно, иногда даже хочется стыдливо отвести глаза, но, несмотря на это, писатель никогда не бросал читать Толстого на середине[27]. Кутзее ценит русского писателя не только за его творчество: «О Толстом говорили не только как о великом писателе, но и как об очень авторитетном человеке в обычной жизни, обладавшим необыкновенной мудростью», «загадка авторитета Толстого как человека и как великого писателя все еще остается неразгаданной»[28].

Кутзее воспринимает русскую литературу и русских писателей по-своему: ведь он не читал их в оригинале, а перевод может дать

иное понимание произведения. Но каждый имеет право видеть в литературе то, что кажется ему главным. Южноафриканский писатель холодными вечерами в Лондоне слушал стихи Бродского и думал о нем, в далекой Австралии в возрасте 69 лет сел читать Толстого, почувствовал близость между ним самим и Достоевским - и это делает его ближе к нам здесь, в России. Последние строки в «*Дневнике*» Кутзее звучат так: «Нужно быть благодарным России, Матери России, за то, что она так непререкаемо установила те стандарты, которым должен следовать любой серьезный писатель, даже если у него не будет никогда шанса попасть туда (в Россию. - *М.К.*): стандарты мастера Толстого, с одной стороны, и мастера Достоевского, с другой. Следуя их примерам, становишься лучше; «лучше» не в смысле «профессиональнее», а этически лучше»[29].

«ОН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНО ЧЕСТЕН»

Почему же романы южноафриканского писателя пользуются такой популярностью здесь, в России? «Он описывает душераздирающие вещи, опускается в такие мрачные бездны, куда мало кто может заглянуть, - говорит профессор Чикагского университета Джонатон Лиер. - Кутзее изучает человеческую жестокость, невосприимчивость к страданиям других. Лично у меня не хватает на это мужества»[30]. Герои Кутзее, слабые или пожилые, оторванные от жизни и от общества, испытывают душевные мучения, но жизнь беспощадна к ним. Они проходят трудовые лагеря, аресты, голод, их обыскивают, разрушают их дома, убивают их знакомых.

Кутзее позволяет нам заглянуть через щелочку в душу другого, погрузиться на время в его мир - не этого ли самое интересное? Он описывает «повседневные» трагедии, знакомые каждому: одиночество, душевные терзания, проблема выбора между добром и злом, страх, ревность - и все это на фоне трагедий исторических. Ему удивительным образом удается с одинаковой точностью передать психологию пожилой писательницы из Австралии, южноафриканской женщины средних лет и классика русской литературы XIX века.

Нобелевский комитет, вручавший в 2003 г. Кутзее самую престижную премию мира, отмечал: «Он интеллектуально честен и занимается проблемами различения правильного и неправильного, мук выбора, действия и бездействия»[31]. Кутзее показывает тупики «диалога культур», корни «естественных реакций» при столкновении с чужим[32]. Это непонимание друг друга переходит из века в век, и ничего не меняется. Для Кутзее это замкнутый круг, из которого нет выхода. Поэтому некоторые утверждают, что «его романы ничему не учат»[33].

Конечно, едва ли Кутзее действительно ставил перед собой цель воспитания человечества посредством своих романов, но все-таки какие-то уроки из его книг, безусловно, можно извлечь. И, прежде всего, он учит пониманию другого, необходимость этого «культурного диалога», иначе все может быть так, как он описывает в романе «В ожидании варваров»: «Разделавшись с нами, варвары подотрутся городскими архивами. Мы умрем, так и не сумев извлечь для себя никакого урока»[34].

«Я стараюсь оставаться свидетелем времени»[35], - сказал Кутзее в своем интервью. И он остается, пожалуй, свидетелем не только настоящего времени, но и прошлого, а может быть, и будущего.

---

1 *Lyal S.* South African Writer Wins Top British Prize for Second Time // New York Times, October 26, 1999.

2 По нормам языка африкаанс, правильнее было бы произносить Кутцие (Coetzee), но в русском языке закрепилось написание Кутзее. Кроме того, в русских переводах часто встречаются такие варианты имени писателя - Джозеф Максвелл, Джозеф Майкл, Джон Михаэль и др. Тем не менее, первое его имя, без сомнения, Джон (именно так он писал в личной переписке с автором), о втором же с уверенностью сказать трудно (*прим. авт.*).

3 Иерусалимская премия — литературная награда писателям, которые своим творчеством отстаивают свободу индивидуума в обществе. С 1963 г. она вручается Международной книжной ярмаркой в Иерусалиме (как правило, лично мэром Иерусалима) один раз в два года по рекомендации назначаемого муниципалитетом жюри, в которое входят три выдающихся деятеля культуры. В денежном выражении составляет 5 тыс. долл. По положению о премии, одно и то же лицо может быть удостоено ею не чаще одного раза в 10 лет. Среди лауреатов - Артур Миллер, Харуки Мураками, Милан Кундера, Макс Фриш и др.

4 *Piding A.* Coetzee, Writer of Apartheid as Bleak Mirror, Wins Nobel // New York Times, October 3, 2003.

5 *Давидсон А.Б.* Что это? Предостережение миру? // Иностранная литература, 2001, № 12, с. 229-237.

6 *Дейниченко П.* Бур для Нобеля // Книжное обозрение, 3.10.2003.

7 *Шульпяков Г.* Тридцатая любовь Кутзее // Независимая газета, 25.10.2001.

8 *Popescu M.* Waiting for the Russians: Coetzee's the Master of Petersburg and the Logic of Late Post-colonialism // Current Writing, April 2007, p. 1-20.

9 *Кутзее Дж.М.* Молодость // Иностранная литература, 2005, № 10, с. 5-29; № 12, с. 115-190.

10 *Coetzee J.M.* Boyhood. Scenes from Provincial Life. A memoir. New York, Penguin Books, 1997, p. 27.

11 Ibidem.

12 Ibid.

13 Ibid.

14 Ibid.

15 Ibid., p. 108.

16 Ibid., p. 27.

17 Ibid., p. 28.

18 Ibid., p. 50.

19 *Кутзее Дж.М.* Молодость... № 10, с. 25.

20 *Coetzee J.M.* Stranger Shores. Literary Essays. 1986-1999. New York, Penguin Books 2001, 2001, p. 295.

21 *Кутзее Дж.М.* Осень в Петербурге. М., Иностранка. 2001, с. 63.

22 *Coetzee J.M.* Stranger Shores.., p. 217-218.

23 Ibid., p. 222.

24 Ibid., p. 227.

25 Ibid., p. 223.

26 *Coetzee J.M.* Diary of a Bad Year. New York, Vintage 2008, p. 189-190.

27 Ibid., p. 150.

28 Ibid., p. 150-151.

29 Ibid., p. 227.

30 *Залесова-Докторова Л.* Жизнь Джозефа Максвелла Кутзее // Звезда, 2004, № 3, с. 132.

31 *Рощина Е.* Оригинальная рецептура Кутзее // Библиотечное дело, 2003, № 10.

32 *Степанов А.* Дж.М.Кутзее: «идеальный нобелист»? // Русский Журнал, 14.11.2003.

33 *Залесова-Докторова Л.* Жизнь Джозефа Максвелла Кутзее ...

34 *Кутзее Дж.М.* В ожидании варваров - см.: Жизнь и время Михаэла К. Романы. М., 1989, с. 179.

35 *Залесова-Докторова Л.* Жизнь Джозефа Максвелла Кутзее.., с. 135.